

— Третий брат, ты даже о чести не заботишься? Даже приветствовать не удосужился. До чего же докатились нравы семьи Хуа? — Глядя на его спину, Хуа Минтин произнес спокойно.

— Я думал, старший брат и сам понимаешь. В этот раз я еще сохранил лицо. Боюсь, что если я убью старшего брата, это и будет истинным падением нравов.

— А Сюй, как можно так говорить? Просто так позволяешь другим смеяться над нами! — Хуа Чаобэй тоже вступил в разговор.

Хуа Сюй топнул ногой, но не обернулся, его голос был холодным:

— Люди, которых вы послали убить меня, даже лиц не скрывали, словно боялись, что я их не узнаю. Почему теперь вы боитесь, что над вами будут смеяться? В Долине Чэньфэн до сих пор называют меня главой долины. Разве не такого смеха вы и ждали?

— А Сюй, ты сказал, что идешь за лекарством. Мы с братом тогда не стали тебя останавливать. Но ты ушел больше чем на месяц. У главы долины много дел, а мы с братом не справляемся. Поэтому мы и торопились найти тебя. Как это может быть покушением? Может, ты что-то неправильно понял?

— Неужели вы не думали: «Пусть он вернется с пустыми руками, пусть умрет там». Почему сейчас вы разыгрываете передо мной братскую любовь? И еще говорите, что не справляетесь... Ха... Если бы вы стали чуть сильнее, вы бы на месте меня убили? Говорю вам, в этой жизни, в следующей, в жизни после следующей вы никогда не сможете стать моими соперниками... — Закончив, он обернулся и посмотрел на ошеломленных братьев.

Это был первый раз, когда его злоба была настолько прямой и резкой, что ударила им в лицо, почти заставив почувствовать, будто он стал другим человеком.

Хуа Чаобэй с растерянностью показал немного беспокойства, но прежде чем он опомнился, Хуа Сюй уже повернулся.

— Идите прочь. С моей нынешней силой раздавить вас — все равно что раздавить двух муравьев. Оставляю вас в живых только потому, что вы носите фамилию Хуа.

Казалось, он не хотел больше ни слова слышать, и, резко развернувшись, ушел. Даже Чэн Фэн и Чэн Юй не смогли его догнать.

Его жилище находилось на самой вершине, на первый взгляд почти упираясь в облака. На самом деле, облака были порошком лекарственных трав. Когда он находился в долине, никто не видел ни малейшей зелени на вершине. Войдя во двор, он наклонился и начал рвать. Это была ненависть, проникающая в самые кости.

— Молодой господин, симптомы все еще не прошли? — раздался чистый голос.

Хуа Сюй вытер уголки рта, и в его глазах на мгновение появился свет. Он улыбнулся:

— Учитель, ты пришел...

Человек в зеленом одеянии, с полуседыми волосами, собранными в пучок, выглядел как истинный бессмертный. Только черный кнут, обвитый вокруг его талии, и кувшин с вином в правой руке придавали ему немного бунтарский вид. По мере его движений аромат вина становился все сильнее, и, почувствовав этот запах, Хуа Сюй немного успокоился.

— Будешь пить, молодой господин? — Да Инлоу покачал кувшином.

Взгляд Хуа Сюя был рассеянным. Хотя он смотрел на учителя, казалось, что он смотрел куда-то вдаль:

— Все они отвернулись от меня, только ты все еще называешь меня молодым господином...

— Не хочешь — не надо, старик сам выпьет.

Он уже подносил кувшин ко рту, как Хуа Сюй дернул его, и вино вылилось на учителя.

— Эй, ты, неблагодарный! Так обращаться с учителем! — он только закричал, а Хуа Сюй уже запрокинул голову и начал пить.

— Святое поругание! Мое лучшее бамбуковое вино не для того, чтобы ты его так пил!

Когда кувшин опустел, Хуа Сюй пошатываясь упал на каменный стол, бессознательно двигая пальцами:

— Учитель, дай мне поспать полчаса, а потом разбуди, хорошо...

— Старший брат, дай мне поспать одну палочку благовоний, а потом разбуди, хорошо?

— Спи, третий брат, старший брат будет следить за временем!

Младший брат, сжавшись, лежал на руках у старшего брата, который неуклюже утешал его, медленно похлопывая по спине.

Внезапно раздался звон — звук отпираемого замка. Хуа Миньян инстинктивно отступил назад, крепко прижимая к себе младшего брата.

— На этот раз, вас двое, чья очередь? Опять твоя? — это был голос, от которого он мог проснуться даже во сне. В тот же момент рядом с ними на соломенную подстилку бросили маленькое окровавленное существо, неизвестно живое или мертвое.

Запах крови ударил в нос. Хуа Сюй хотел рвать даже во сне, но он отказывался просыпаться. Старший брат еще не разбудил его, те люди еще не пришли... еще не пришли...

— О, и здесь можно спать? Неужели это тот, кого глава долины присмотрел? Люди, заберите его!

— Нет, нет! — Хуа Миньян отчаянно пытался спрятать его, бормоча. — Нет, нет, он не спит, третий брат просто устал, он только прилег. А Сюй, правда? А Сюй, скажи что-нибудь!

Хуа Сюй сжался, не говоря ни слова, как вдруг увидел, что старший брат на коленях пополз к пришедшему, хватая его за подол и умоляя:

— Посланник Чэн, возьмите меня, возьмите меня, А Сюй еще слишком мал, возьмите меня, умоляю, возьмите меня!

— Хм! Какая же преданность! Посмотрим, насколько ты крепок! — он просто схватил ребенка за шею и вытащил наружу.

Снова раздался звон, и в камере снова стало темно. Хуа Сюй сжался в углу, не двигаясь, глядя

в сторону двери. Обычные люди спят долго ночью, а для него это уже двое суток. Он не спал. За стеной, должно быть, была птица, которая каждый день пела перед завтраком. Хуа Сюй хотел посмотреть, какого она цвета.

Он совсем не устал, всю ночь думал, что если посланник Чэн придет за ним, он сам пойдет. Старший и второй брат уже много раз страдали за него, а он до сих пор не был в том месте, которого они так боялись.

На соломенной подстилке Хуа Чаобэй уже некоторое время был в сознании, но просто лежал, уставившись в потолок, не двигаясь и не говоря ни слова.

Хуа Сюй осторожно подполз к нему, глядя в глаза:

— Второй брат, на этот раз я пойду, не беспокойся за меня.

Из уголка его глаза скатилась слеза:

— А Сюй, второй брат не смог тебя защитить.

Хуа Сюй тихо покачал головой.

Вскоре шаги снаружи приблизились. Хуа Сюй сразу же вернулся в свой угол и замер. Этот звук они слышали бесчисленное количество раз с пяти лет. Снаружи светило яркое солнце, форзиция цвела, но знакомый запах крови вернул его в реальность.

Хуа Миньян был брошен недалеко от его ног. Хуа Сюй инстинктивно отдернул ноги. Он испугался, и слова, которые он повторял сотни раз, вдруг не смогли вырваться.

— Не бойся... старший брат здесь. — Хуа Миньян все еще мог говорить.

Услышав это, Хуа Сюй вдруг перестал бояться. Может, ноги еще дрожали, но он уже не был так напуган. Опираясь на стену, он встал, крепко сжав кулаки:

— Возьмите меня, отец еще не пробовал на мне яд...

— О... какой смелый молодой господин! Тогда ты!

Не прошло и полдня, как его выпустили, но все его тело уже не чувствовало ничего. Казалось, что кроме головы, все остальное было отрезано.

Когда его бросили на соломенную подстилку, он почти почувствовал, что она мягкая, как будто он парил в воздухе.

Он не потерял сознание, кроме того, что не мог открыть глаза от боли, но разум был ясен.

— Старший брат, ты думаешь, А Сюй еще жив? — Услышав знакомый голос, он почувствовал тепло и странное спокойствие.

— Живой... не волнуйся, если бы он умер, его бы здесь не было... Но что нам делать, в следующий раз... опять моя очередь...

— Ничего, старший брат, я пойду. Я чувствую, что у меня уже есть немного сил, яд, кажется, на меня не действует...

— Правда?.. Тогда отлично... Но в конце концов очередь все равно дойдет до меня. Я чувствую, что время иногда идет очень медленно, а иногда очень быстро... Когда они вставляют иглы в мои кости, мне кажется, что это длится вечность. К пятой игле я уже почти чувствую, что умираю... Чаобэй, ты тоже так чувствуешь?

— То же самое, но я слаб, дохожу только до четвертой иглы и теряю сознание...

Хуа Сюй хотел сказать им, что он не помнит, сколько игл было в его теле, только знает, что ему было очень больно. Но когда он думал о том, что старшие братья смогут избежать страданий, он чувствовал, что это того стоит... Он попытался открыть рот, чтобы что-то сказать, но не смог издать звуков, это было так неприятно...

— Но А Сюй... А Сюй вернулся всего через полдня, значит ли это, что он не справился? — Голос Хуа Миньяна был растерянным, хотя он задавал вопрос, но, казалось, не хотел знать ответ. В темноте его лицо было бесстрастным.

— Если не справился, это хорошо, ему больше не придется страдать, он сможет уйти! — Голос Хуа Чаобэя был почти радостным, он говорил с энтузиазмом.

<http://bllate.org/book/16872/1554973>